

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nastya_belous@ngs.ru

СПИСКИ ТОРЖЕСТВЕННИКА XV ВЕКА: ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ

В статье излагаются некоторые результаты сравнительного исследования языка Жития Козьмы и Дамиана по двум спискам Торжественника, относящимся к разным редакциям, в частности, определяется соотношение традиции и новаций в языке произведений, устанавливается зависимость между историей развития сборника и лингвистическими особенностями рассматриваемых редакций.

Ключевые слова: церковнославянский язык, традиция в языке, Торжественник.

This paper presents comparative description of language means in two versions of Torzhestvennik (on the material of «Kozma and Damian Life»). In the focus is the correlation between tradition and innovations in the language of both texts, which uncovers definite interdependence between versions development history and linguistic peculiarities of the manuscripts.

Keywords: Church Slavonic, language tradition, Torzhestvennik.

Решение вопроса о том, что представлял собой церковнославянский язык в XV в., имеет большое значение для понимания культурно-языковой ситуации в эпоху формирования национальных литературных языков восточных славян. Как отмечает Л. Г. Панин, именно в это время церковнославянский язык начинает формироваться как отдельный самодостаточный язык, и именно с XV в. церковнославянский и русский литературный, оставаясь рядом и развиваясь параллельно, вступают в новые отношения – церковнославянский язык становится его культурно-языковой нишей [Панин, 2003. С. 496].

В связи с этим актуальным является системное исследование языка письменных памятников с давней традицией бытования в списках, позволяющее в конечном итоге воссоздать целостную систему церковнославянского языка определенного периода его развития [Жуковская, 1963. С. 20; Панин, 1988. С. 4–5; Герд, 2003. С. 143–144]. Особую эффективность в этом плане имеет исследование рукописных сборников, поскольку в них, как в миниатюре, находит свое достаточно полное отражение вся сложность меняющейся культурно-языковой ситуации XIV–XVI вв. [Панин, 1991. С. 4].

Одним из таких сборников является Торжественник – сборник слов, поучений и житий, посвященных церковным праздникам и дням памяти святых. Т. В. Черторицкая выделяет четыре литературные редакции минейного Торжественника, важнейшими из которых можно считать Первую и Вторую. Первая редакция формируется в XIV–XV вв. и отличается преобладанием гомилий, тогда как Вторая характеризуется увеличением количества агиографических произведений и общим направлением развития в сторону беллетризации [Черторицкая, 1982].

В настоящей статье излагаются некоторые результаты сравнительного исследования языка текстов Жития Козьмы и Дамиана, а также их Чудес по двум спискам: Торжественнику первой трети XV в. из собрания Рижской Гребенщиковской общины в Библиотеке Российской Академии наук (Риж-1. Л. 77 б – 80 б)¹ и Торжественнику конца XV в. из собрания Н. С. Тихонравова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Тхн-185. Л. 52 г – 57 а)².

¹ Описание сборника см.: [Бубнов, 1980. С. 101–102; Предварительный список..., 1986. № 1582; Черторицкая, 1994. С. 601–602].

² Описание сборника см.: [Георгиевский, 1913. С. 29; Предварительный список..., 1986. № 3274; Черторицкая, 1994. С. 555–556 (№ 9.009)].

Списки представляют, соответственно, Первую и Вторую редакции Торжественника. В задачи исследования входило: установить особенности языка списков, в частности, степень следования традиции и, соответственно, степень проникновения новообразований и диалектизмов; определить стабильные черты, общие для обоих списков, и явления, в написании которых между списками имеются расхождения; определить причины появления соответствующих особенностей.

Анализ продемонстрировал, что Тхн-185 в наибольшей степени отражает явления, характерные для народного разговорного языка, тогда как Риж-1 последовательно ориентирован на древнерусскую традицию церковнославянского языка. Различие в индивидуальных установках писцов обнаруживается на всех уровнях языка рассмотренных текстов.

Фонетико-орфографический уровень

Сравнительный анализ списков показал, что основная масса разночтений сводится к различиям в отражении праславянских сочетаний 1) *dj, 2) *tj, 3) *tort, *tolt, 4) *tert, *telt. Особенностью Риж-1 является исключительное употребление рефлексов, специфичных для южнославянской орфографической традиции: хожѣнїѣ (Л. 77 б)³, оугожьши/ми (Л. 78 б); ноць (Л. 78 а), помощи (Л. 77 г); неполногласие здѣва (Л. 77 г), гдасо(м) (Л. 78 г), вз гдѣѣ (Л. 78 б).

Восточнославянских соответствий этих явлений в Риж-1 не отмечено, исключая достаточно регулярное написание ϵ на месте ѣ в неполногласных корнях и приставке *per, *perd: вре(м) (Л. 78 в), не прерѣгаше (Л. 77 б). Как известно, образования типа пррег на месте праславянского *tert служат одной из основных черт памятников восточнославянского извода. «Вследствие того, что слова с неполногласием были чужды древнерусскому языку и написание буквы ѣ в них не поддерживалось живым произношением, старославянское [ě] в этимологических сочетаниях *tert в древнерусских

рукописях издавна передавалось посредством буквы ϵ » [Жуковская, 1957. С. 45].

В целом же представленные в Риж-1 южнославянизмы были свойственны и самым ранним памятникам церковнославянского языка древнерусского извода, т. е. вошли в русскую орфографию в древнейший период письменности, поэтому их последовательное отражение можно объяснить сознательным возвращением к старым нормам правописания.

В отличие от Риж-1. список Тхн-185 характеризуется именно восточнославянскими рефлексами указанных сочетаний: хоженнѣ (Л. 52 г), оугож'ши/ми (Л. 54 а); ноць (Л. 53 г), помощи (Л. 53 б). На месте праславянских сочетаний типа *tort, *tolt явно преобладают полногласные формы (-oro-, -olo-): здоровѣ (Л. 53 в), гдоло(м) (Л. 54 б), равно как и при отражении *tert: времѣ (Л. 54 г), не прерѣгаша/ла (Л. 53 а).

Однако, наряду с перечисленными русизмами, в тексте встретились и немногочисленные неполногласные формы: блѣ/жена (Л. 53 а), в гдѣѣѣ (Л. 54 а); непрерѣганно (Л. 54 г), прѣ/было (Л. 54 б).

Вместе с тем в Тхн-185 отражен ряд фонетических явлений, характерных для западных восточнославянских диалектов, в частности переход [в] в [у]: оуикормила (Л. 53 а), оумѣѣѣ (Л. 53 г), оумѣ/зла (Л. 55 а); твердый [р]: закрѣчи/бши (Л. 55 а).

Таким образом, характер орфографии обоих списков свидетельствует о том, что писцы придерживались принципиально различных норм правописания; более того, наблюдается различие и в степени последовательности в соблюдении выбранной писцом орфографической системы. Писец Риж-1 тщательно следует правилам, ориентированным на древнерусскую традицию церковнославянского языка, а Тхн-185 демонстрирует отход от традиционных «книжных» написаний, хотя и менее последовательно.

Морфологический уровень

На морфологическом уровне в системе именного словоизменения оба списка характеризуются стабильной реализацией ряда

³ Здесь и далее в скобках указаны ссылки на листы и столбцы рукописи.

традиционных для церковнославянского языка черт, которые к XV в. уже не были общими для разговорного и книжно-письменного типов языка. Так, в обоих списках сохраняется регулярное употребление форм двойственного числа: *ѿсѣжь/бѣ творѣста ѿгѣла/ коз'ма и дамїанѣ* (Тхн-185. Л. 53 в), *ѿ слоужбѣ ꙗже творѣста ѿгѣла коз'ма и дамїанѣ* (Риж-1. Л. 77 г); *прн/шедшнма жь нма на мѣсто* (Тхн-185. Л. 55 в), *прншедшнма же нма въ црѣвь ѿгоу* (Риж-1. Л. 79 в). Оба списка также сохраняют традицию употребления звательных форм: *женѣ* (Тхн-185. Л. 55 в), *рѣкла ты гн бѣе* (Тхн-185. Л. 56 г), *рѣ/ ты гн бѣ нашѣ* (Риж-1. Л. 80 а). Примечательно, что наличие особой звательной формы при обращении к святым Козьме и Дамиану было зафиксировано в Тхн-185 лишь в Похвале (Л. 57 а – 57 г): *рѣн кѣзмо* (Л. 57 в), *рѣн прѣв(ѣ)члнн дѣ(мн)анѣ* (Л. 57 г), в Чудесах же вместо нее используется форма именительного падежа: *гдн ѿгѣла козма и дамїанѣ помозн/та ми* (Л. 56 б). В Риж-1 из имен двух братьев в звательной форме стоит лишь имя Дамиан: *гн ѿгѣла козма/ и дамїанѣ помозн/та ми* (Л. 79 г).

Система склонения существительных обоих списков характеризуется своей традиционностью, сохранением флексий, унаследованных из древнего языкового состояния, и не отражает процессы перегруппировки типов склонения и унификацию падежных окончаний. В частности, сохраняются исконные флексии местного падежа единственного числа существительных с исторической основой на *-*ǫ* и на *-*ы*: не положено *въ гро/бѣ* (Тхн-185. Л. 54 б), не положеноу *въ гробѣ* (Риж-1. Л. 78 в) и *ѿдн жь/ ѿ домѣ своемѣ* (Тхн-185. Л. 55 г), *ѿдн же въ до/моу свое(м)* (Риж-1. Л. 79 в); а также флексии творительного падежа множественного числа существительных с исторической основой на *-*es*: *многими/ чюдѣбы, насладилнѣ естѣ* (Тхн-185. Л. 54 б – в), *многими чюдѣбы наслаждѣшнѣ* (Риж-1. Л. 78 г).

Ни один из списков не отразил активно протекавший в разговорном языке процесс выравнивания основ на заднеязычный, таким образом, в языке списков сохраняются результаты 2-й палатализации: *ѿбѣцн бѣжн* (Тхн-185. Л. 54 б), *въздѣвшн/ рѣцѣ* (Тхн-185. Л. 56 в), *ѿвѣцѣ хѣѣ* (Тхн-185. Л. 56 в) и *ѿ ѿбѣцн бѣжн* (Риж-1. Л. 78 г), и *възвѣгшн рѣцѣ* (Риж-1. Л. 79 г), *слоужбѣ/ хѣѣ* (Риж-1. Л. 79 б).

В числе традиционных черт, общих для списков обеих редакций, следует указать и употребление именных прилагательных в косвенных падежах: *нн ѿ богата нн ѿ оубога* (Тхн-185. Л. 53 б), *въ роуѣ огненѣ прело/жн* (Тхн-185. Л. 57 а) и *нн ѿ бо/гата нн ѿ ница* (Риж-1. Л. 77 в), *нчн на поу(т) долгѣ* (Риж-1. Л. 79 в).

Вместе с тем грамматическая система, представленная в Тхн-185, отражает ряд явлений, свидетельствующих об отходе от традиций (в Риж-1 подобных явлений замечено не было).

1. Употребление форм множественного числа (преимущественно у глаголов) на месте ожидаемого двойственного: *ѿлы/шавше жь се ѿсгы/ хѣвы козма и дамїанѣ* (Тхн-185. Л. 55 а), *ѿла ѿты / козмы и дамїана* (Тхн-185. Л. 56 б), *коз'ма / и дамїанѣ не мешз/ключн пошн* (Тхн-185. Л. 53 в).

Очевидно, что данные написания появились как результат произошедшего уже в живой речи процесса утраты категориального значения двойственности.

2. Употребление местоимения 1-го лица единственного числа *ѿ / ѿ* вместо традиционного *ѿзз / ѿзз*: *про что (ж) н ѿ хѣла/лчн бѣ прнндѣ* (Тхн-185. Л. 54 в), *рѣкла ма/лхз жено се ѿ хѣ/чѣ* (Тхн-185. Л. 55 г).

Вариант *ѿ* (*ѿ*) является бесспорной чертой живой древнерусской речи, которая в силу своей собственно диалектной принадлежности попадала в древние тексты довольно редко; между тем именно *ѿ* (*ѿ*) встречается в тексте Жития и Чудес Тхн-185 дважды. Объяснить появление варианта

л (л) можно тем, что он используется при передаче прямой речи: в первом случае говорит верблюдца, обращаясь к людям, во втором – муж говорит о себе своей жене. В обоих контекстах воспроизводится своеобразная обиходная речь, тогда как за лзз / лзз могла быть закреплена прочная связь с письменным языком, поскольку лзз – первая буква славянского алфавита, с названия которой начиналось обучение грамоте ⁴.

Особый интерес представляет картина употребления в обоих списках временных форм глагола, поскольку сам характер рассматриваемых текстов – повествование о жизни и чудесах – предполагает широкое использование именно глагольных форм прошедшего времени. Приведем сравнительную таблицу употребления времен в языке списков для обозначения действия в прошлом:

Время	Риж-1	Тхн-185
Аорист	65	12
Имперфект	5	–
Перфект – со связкой – без связки (причастие на -л)	2	58
Плюсквамперфект	1	–
Всего	75	75

В Тхн-185 по традиции употребляются формы аориста, однако, очевидно, что основной формой прошедшего времени, заменившей собой традиционные для церковнославянского языка простые прошедшие времена, выступает бывшее причастие на -л. В Риж-1 формы прошедших времен употреблены в целом семантически и грамматически правильно.

Таким образом, на морфологическом уровне списки двух редакций противопоставлены преимущественно глагольными формами, тогда как система именного словоизменения отличается стабильной традиционностью. Именно в области глагольных форм Тхн-185 в большей степени допускает проникновение новообразований.

⁴ Прочной связью лзз / лзз с системой письменного языка (в противоположность устной речи) объясняет Г. А. Хабургаев факты редкой употребительности л даже в деловых древнерусских текстах [Хабургаев, 1990. С. 218].

Лексический уровень

В списках зафиксировано большое количество разночтений (44), являющихся собственно лексическими вариантами (по классификации Л. Г. Панина [Панин, 1988]). С одной стороны, они отражают характерное уже для древнейших памятников славянской письменности синонимическое варьирование: ѿ ѿбога (Тхн-185. Л. 53 б) – ѿ ннцл (Риж-1. Л. 77 в), дѣлл (Тхн-185. Л. 54 а) – рлди (Риж-1. Л. 78 а), нццлл (Тхн-185. Л. 54 а) – влчюл (Риж-1. Л. 78 б) и др. ⁵ С другой стороны, демонстрируют модификации текста в процессе формирования редакций, а именно: употребление элементов народно-восточнославянской лексики в Тхн-185 в соответствии с обычными для книжного повествования лексемами Риж-1: ѿчннлн (Тхн-185. Л. 54 г) – сзтворншл (Риж-1. Л. 79 а), злклкллн (Тхн-185. Л. 56 б) – влпн (Риж-1. Л. 79 г) и др.

Наличие лексических вариантов позволяет говорить о лексической самостоятельности редакций, возникшей, очевидно, в результате реализации индивидуальных представлений писцов / редакторов об уместности того или иного словоупотребления.

Синтаксический уровень

Особенно яркой общей чертой синтаксиса проанализированных текстов является широкое употребление предложений с оборотом «дательный самостоятельный». Как известно, данная конструкция является специфической для книжно-письменного типа языка, поэтому ее употребление несет и определенную функциональную нагрузку – вписывает текст в традицию церковнославянской книжности.

В текстах также отмечено значительное количество сложных предложений. Придаточные предложения в обоих списках нередко присоединяются с помощью традиционных союзов *нже* или *лко*.

Наряду с этим, в списке Тхн-185 ряд придаточных предложений вводится союзами, характерными скорее для деловой письменности и для произведений, язык которых

⁵ Указанные пары являются лексическими дублетами либо синонимами, по данным «Старославянского словаря» [1999].

близок к разговорной речи. К их числу относятся:

1) придаточные дополнительные с союзом *што*: *разѣмѣвѣ/ши штожь млѣбамн ю нцѣ [лнлз]* (Тхн-185. Л. 53 в), *вз/звѣстнхъ вл (м). што жь/ гвнлгв гъS* (Тхн-185. Л. 54 в);

2) придаточные времени и условия с союзом *коли*: *коли хочѣ (т) гѣ что послвз по/млнсетъ ма* (Тхн-185. Л. 55 г), *се (чѣ) леннса/ гѣгма нма. коли/ не створнши ми зла* (Тхн-185. Л. 56 а), *коли при/де (т) га оумрѣвнн. да/ штобы оумѣстѣ/ не положили ю* (Тхн-185. Л. 53 г).

Однако данные случаи вряд ли выходят за рамки лексического варьирования союзов. Синтаксис в целом сохраняет книжный характер, а именно: отличается логическим развертыванием информации. Элементов разговорного синтаксиса, подчиненных ситуационному упорядочиванию информации [Живов, 1998. С. 220], не отмечено.

Таким образом, проведенный нами анализ выявил, что тенденции развития Торжественника как сборника в целом находят свое непосредственное отражение и в его языке. Так, список Риж-1. сборник Первой (Новой – по классификации Л. Г. Панина [Панин, 1988]) редакции, идейным стержнем которой были гомилии на двенадцатые праздники, и в Житии представляет канон высокого рода литературы. Его языковой материал отличается большой степенью единства, обусловленной стремлением следовать традициям древней восточнославянской книжности.

Список Второй редакции Тхн-185 представляет другое направление в развитии сборника, которое условно можно назвать «демократизацией». В его составе Жития с сопровождающими их Чудесами преобладают над сочинениями других жанров, при этом и те и другие обрастают бытовыми и занимательными подробностями, т. е. усиливается развлекательный момент. Демократизация, как показало проведенное нами исследование, последовательно проявила себя на всех уровнях языка списка, что выразилось в наличии ряда новообразований, отражающих народно-разговорный язык писца / редактора. Особо следует отметить употребление именно восточнославянских

языковых элементов, поскольку конец XV в. – время, которым датируется Тхн-185, – традиционно связывается с введением южнославянских написаний.

Списки Торжественника XV в. со всей очевидностью свидетельствуют, что система церковнославянского языка при всей ее ориентации на традицию оказывается открытой для проникновения новых языковых явлений, возникших под влиянием народно-разговорного языка. Степень отступления от традиции существенно отличается даже в хронологически близких списках одного и того же произведения и определяется, по-видимому, целеустановками писцов / редакторов, сознательно ориентирующих сборник на определенный круг читателей и слушателей. В случаях, когда рукопись предназначалась для более демократической среды либо для частного чтения, доля языковых новаций весьма значительна, однако при этом сохраняются определенные структурные признаки традиционного книжного языка (церковнославянского). Именно они обеспечивают памятнику место в границах церковнославянской книжности и не допускают разрыва с традицией.

Список литературы

Бубнов Н. Ю. Рукописи из собрания Рижской Гребеншиковской общины в Библиотеке АН СССР // Книжное дело в России в XVI–XIX веках: Сб. науч. тр. / Под ред. А. А. Зайцева и др. Л.: БАН СССР, 1980. С. 97–104.

Георгиевский Г. П. Собрание Н. С. Тихонова. I: Рукописи. М.: Тип. А. Снегирева, 1913. 127 с.

Герд А. С., Федер В. Церковнославянские тексты и церковнославянский язык. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 207 с.

Живов В. М. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов, Краков, 1998 г.: Докл. рос. делегации / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1998. С. 212–247.

Жуковская Л. П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Тр. Ин-та языкознания / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 8. С. 5–106.

Жуковская Л. П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их значение и методика исследования) // Исследования по лингвистическому источниковедению. М.: Наука, 1963. С. 20–35.

Панин Л. Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 264 с.

Панин Л. Г. Минейный Торжественник в истории русского литературного языка (лингвотекстологическое исследование списков XIV–XVI вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1991. 47 с.

Панин Л. Г. Церковнославянский язык в контексте русской языковой культуры // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археограф. работы в Сибири (1965–2000 гг.) / Сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 489–499.

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся

в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А. А. Турилов. М., 1986.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). 2-е изд., стер. / Под ред. Р. М. Цейтлина, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка: имена. М.: МГУ, 1990. 296 с.

Черторицкая Т. В. К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Наука, 1982. С. 5–27.

Черторицкая Т. В. Предварительный каталог церковно-славянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения. Б. м., 1994.

Материал поступил в редколлегия 17.10.2007